

ЭЛИСОН
УЭЙР

...КОГДА БЫ БОГУ
Я С УСЕРДИЕМ СЛУЖИЛ,
ПУСТЬ ВДВОЕ МЕНЬШИМ,
ЧЕМ СЛУЖИЛ МОНАРХУ,
ОН НЕ ПРЕДАЛ БЫ
В СТАРОСТИ МЕНЯ
МОИМ ВРАГАМ, ОСТАВИВ
БЕЗ ЗАЩИТЫ.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР,
КОРОЛЬ ГЕНРИХ VIII

КАРДИНАЛ

РОМАН
О ЛЮБВИ
И ВЛАСТИ

The Big Book. Исторический роман

Элисон Уэйр

Кардинал. Роман о любви и власти

«Азбука»

2025

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Э.

Кардинал. Роман о любви и власти / Э. Уэйр — «Азбука»,
2025 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-32986-7

Кардинал Томас Уолси не был однозначным героем. Выходец из низов, он сделал головокружительную карьеру, и не только получил должность лорд-канцлера Англии, но и стал доверенным другом Генриха VIII. Современники презирали Уолси, называя сыном мясника, поднявшимся к трону по головам соперников. Однако король во многом полагался на его политическую проницательность и выдающиеся способности, игнорируя критику завистливой знати. Кардинал успешно противостоял наветам и интригам, пока на его пути не встретился враг опаснее прочих. То была возлюбленная короля Анна Болейн, ради которой всемогущий и деспотичный Генрих решился разрушить свой брак с Екатериной Арагонской, и сами общественные устои. Его не испугал даже разрыв отношений с папским Римом. Оказавшись меж двух огней, Уолси почувствовал, как земля уходит у него из-под ног... В новом романе Элисон Уэйр («Кардинал» увиден свет в 2025 году) показан эмоциональный, яркий, сложный портрет одного из самых влиятельных сановников эпохи английского Возрождения. Несмотря на то что Томас Уолси был отчасти ослеплен амбициями и жаждой власти, он пожертвовал ради служения короне всем, даже единственной женщиной, которую по-настоящему любил... Автор этой и многих других книг, в том числе научно-популярных, – историк и писательница, чьи произведения занимают высшие позиции в литературных хит-парадах Соединенного Королевства. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-32986-7

© Уэйр Э., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Часть первая. «Ученый плодовитый и отменный»	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Часть вторая. «Из бедности к изобилию»	33
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Элисон Уэйр

Кардинал. Роман о любви и власти

*Моим дорогим друзьям
Марии и Эйлин Боско,
Шивон Кларк и Роджеру Фиби,
Филипу и Кристин Клукас,
Джону и Линде Коллинс,
Дэвиду и Кэролайн Деннисон,
Лесли Эдмидс,
Дэвиду и Джанет Харрис,
Джин Хаббард,
Элейн Ноулз,
Хизер Маклеод и Глену Лукасу,
Бёрнеллу и Тамсин Такер
с любовью и благодарностью за поддержку*

*Этот кардинал,
Хоть и незнатен родом, без сомненья,
Был предназначен к чести с колыбели.
Ученый плодовитый и отменный;
Мудрейший ум, речист, успешен в спорах;
Надменный и недобрый со врагами,
Но с близкими ему, как солнце, ласков.
Да, ненасытен был в стяжании
(что есть грех), а вот в даянии
по-королевски щедр: чему порукой
Ипсвич и Оксфорд! Один пал вместе с ним,
Не в силах пережить благодеянье;
Другой, пусть не окончен, достославен,
В искусстве превосходит, хоть и молод,
Пусть люд Христов чтит те дела благие.
Паденье стало счастьем для него,
Ведь лишь тогда он ощутил себя,
Познал блаженство быть ничтожным
И, больше чести сделав веку своему,
Чем люди оказать могли ему,
Скончался в страхе Божьем.*

У. Шекспир. Генрих VIII

Alison Weir
THE CARDINAL

Copyright © Alison Weir, 2025
All rights reserved

Оформление обложки Егора Саламашенко

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Часть первая. «Ученый плодовитый и отменный»

Глава 1

1482 год

Том пытался сосредоточиться. Все вокруг – юноши, большинство пятнадцатилетние, на четыре года старше его – занимались учением, а его отвлекал шум строительных работ, доносившийся из-за окон с толстыми каменными средниками, отчего трудно было углубиться в перевод с латыни, над которым ему полагалось трудиться. Тома увлекли мысли о сооружении новых зданий, о том, как справиться с такой огромной задачей. Как собрать столько людей в одном месте и вовремя доставить туда же все необходимые материалы? Однако приближение крюконосого учителя с тростью в руке заставило Тома склониться, прищурившись, над книгой и живо обмакнуть перо в чернильницу.

Учитель остановился, взглянул поверх плеча Тома на исписанный лист, кивнул и пошел по классу дальше, наверное в поисках другой жертвы. Том уже видел, как легко этот надсмотрщик пускает в ход свою палку.

Перевод вскоре был закончен, другие ученики еще скрипели перьями. Том притворился, что перечитывает свою работу, хотя в действительности разбирал вырезанную на парте надпись – без сомнения, плод стараний прежних, замученных учебной страдальцев. Учение, подумалось ему, должно приносить удовольствие, однако перспектива провести в таком строгом режиме следующие четыре года его страшила.

Узнав, что удостоен места в Оксфорде, Том пришел в восторженный трепет и с первого взгляда влюбился в этот город, в его богато украшенные здания колледжей, его шпили и площади, кишашие студентами. С томительной страстью ему хотелось закопаться в знаменитые оксфордские библиотеки, погрузиться в вековое знание. Но теперь Том чувствовал, что кипучая университетская жизнь проходит мимо него, и с тревогой размышлял: причастится ли он к ней когда-нибудь вообще?

Впереди забрезжил новый день. Еще не пробьет семи часов, как они все смиренно потопают на мессу, за которой неизбежно последует бесконечная проповедь, наставляющая их в добродетели. Потом начнутся уроки, затем их ждет трапезная, где всегда подавали говяжий бульон, похлебку и некрепкий эль, а после этого – самостоятельные или практические занятия до отбоя в восемь часов зимой и в девять летом. Все равно что в монастыре, хотя монахи и братья, вероятно, имели больше свободы.

Ему просто не повезло оказаться в колледже, которым управлял религиозный фанатик, вознамерившийся истребить в юношах все природные инстинкты. Чего еще было ждать от епископа Уэйнфлита? Все жизненные соки в этом седобородом старце давно уже иссякли, и он, очевидно, забыл, каково это – наслаждаться грубым буйством жизни с ордой парней, стоящих на пороге возмужания, которые всегда не прочь похохотать, отпустить шутку или устроить розыгрыш. Том сомневался, чтобы злобный Уэйнфлит хоть раз в жизни кого-нибудь разыг-

рал. Нет, он получал удовольствие оттого, что своими мелочными придирками и неприятием любого легкомыслия делал их жизнь как можно более несносной.

Том был потрясен, узнав, что ему и его товарищам по учебе не дозволяется разговаривать на родном языке во все дни, за исключением праздников. Они должны были общаться только на латыни, и горе тому, кто переходил на английский. При воспоминании о том, какую взбучку он получил на первой неделе пребывания здесь, когда еще не понимал всей важности этого правила, Том поморщился. Разумеется, оно великолепнейшим образом заставляло сосредоточивать ум. Если ученики хотели полноценно общаться, им приходилось быстро учить латынь. К счастью, Том обладал талантом к языкам, благодаря учебе в грамматической школе и собственным способностям он хорошо владел латынью и бегло говорил по-французски.

Побили его как-то раз и за сквернословие. Он думал, что его не слышат, но у учителей, похоже, слух был пуще, чем у охотничьих собак, они всегда держали ухо остро, чутко улавливая любые отклонения от правил.

Другие ученики жалели его, ведь большинство были старше. Когда в конце своего первого ужасного дня в колледже Том пришел в общую спальню, готовый с удовольствием провести недолгое время отпущенного им досуга, и вынул из дорожного сундука кости, товарищи в ужасе уставились на него.

– Уберите сейчас же! – крикнул один мальчик. – Нам запрещено играть в азартные игры. Старый Носач может сунуться сюда в любой момент.

– И вам нужно обстричь волосы, – порекомендовал другой.

– Знаю, – ответил Том. – Мне велели сделать это вчера вечером по приезде, но я не успел.

– Не откладывайте. Если вас увидят с длинными волосами, то выпорют, – подключился к разговору один невысокий худощавый юноша. – Я вам подрежу.

Возражать не имело смысла, и – о ужас! – его каштановые кудри быстро слетели с головы, не слишком изящно приведенные к покорности.

Тома отругали за то, что он шептался с соседом во время урока, и еще раз за то, что ему показался забавным комментарий Цезаря по поводу Галльской войны.

– Никаких смешков на уроке! – пророкотал учитель, после чего переключил свой гнев на опоздавшего ученика и отходил его палкой.

– Простите, сэр, я заболел, сэр, – испуганно лепетал мальчик, и правда немного зеленоватый с виду.

– По мне, так ты выглядишь превосходно! – резко ответил Носач и шесть раз стукнул беднягу по руке.

Том видел, что мальчик силится не заплакать.

Как-то раз сам он попросил разрешения не присутствовать в церкви из-за внезапного приступа головной боли, ему отказали.

– Вы обязаны быть там, – сказали ему. – И больше ни о чем таком не просите. Если не явитесь, вас выпорют.

Пытаясь не обращать внимания на пульсирующую боль, Том склонил голову и постарался как можно лучше исполнять молитвы. Он чувствовал себя разбитым, но не хотел, чтобы наставники подумали, будто ему не терпится покинуть церковь, ведь он любил Господа и желал служить Ему как можно лучше.

Но как же легко было совершить проступок! Даже теперь, проведя в колледже несколько недель, он случайно нарушил одно из множества предписаний. Вчера он оставил раскрытой на столе прекрасно иллюстрированную рукопись из библиотеки колледжа, а сам пошел взять еще бумаги. Прошло всего несколько секунд, и Носач был тут как тут, смотрел на стол Тома с лицом мрачнее грозовой тучи.

– Оставлять раскрытыми ценные книги запрещено! – пролаял он.

Том весь сжался, стал многословно извиняться и внутренне готовился к порке. Но случилось чудо: наставник отпустил его без наказания, сказав только:

– Больше так не делайте.

* * *

В тот вечер Том был рад наконец забраться в постель. Лежа рядом со своим беспокойным товарищем – мальчики младше пятнадцати лет спали по двое, – он не мог оторваться от мыслей о доме. Считалось, что ему повезло и он должен быть благодарен, но в тот момент он просто хотел опять оказаться в Ипсвиче.

Таверна его родителей по всем меркам считалась жилищем небедным – крепкая, отделанная деревом, теплая и гостеприимная. Отец был человек деятельный, многое умел и с готовностью брался за любые задачи, являясь одновременно хозяином постоянного двора, мясной лавки и йоменом-фермером. Он владел землей в Стернфилде, где пасся его скот. Заготовленную им шерсть кораблями доставляли из Ипсвича на английский рынок в Кале, откуда продавали в Бургундию. Ипсвич процветал благодаря этой торговле. Том очень рано понял, как важно для Англии производство шерсти; в него это буквально вдолбили. Однако отец не состоял в гильдии и не достиг такого положения, как дядя Эдмунд. Брат матери Тома был очень важной персоной: богатый торговец и полноправный гражданин города, он представлял Ипсвич в парламенте. Действительно, если бы не дядя Эдмунд, Том ни за что не оказался бы здесь и не лежал бы сейчас на тонком тюфяке в этой холодной спальне. А вот Роберт Уолси, напротив, был слишком вспыльчив и бескомпромиссен, чтобы обрести уверенность влиятельного человека. Сколько Том себя помнил, отец все время вел какие-то мелкие тяжбы в судах.

Однако, несмотря ни на что, Том любил отца, который явно желал лучшего для своих детей – самого Тома и его старших братьев, болезненного Роба и добродушного Уильяма, – и не стеснялся выказывать свою привязанность к сыновьям. Нетерпеливый с другими, он тратил время на то, чтобы научить их, как доить коров, рубить мясо и вести счета; брал всю семью на рынки и ярмарки, которые устраивали на многолюдной площади Корнхилл, где они жили. Но мать Том любил больше. Он слышал, как люди, вероятно полагая, что он не слышит, говорили, мол, отец взял себе жену не по чину, и соглашался с этим, так как родные матери, Даунди, были богатыми и влиятельными йоменами из Тетфорда. Мать не была джентри, но обладала изяществом и элегантностью, которых не хватало другим городским женщинам. Она отличалась добротой, набожностью и щедрым сердцем. Том обожал ее.

Мать и отец очень хотели, чтобы он преуспел в жизни, и дядя Эдмунд поддерживал их, говоря, что такой блестящий юный ум нужно пестовать.

Отец знал, чего стоит успех.

– Образование открывает путь наверх, – частенько говаривал он.

Он, хотя и был небогат, как-то сумел наскрести восемь пенсов в квартал, чтобы отправить Тома в грамматическую школу в Ипсвиче.

– Вы одаренный и трудолюбивый мальчик, – сказал он Тому. – Я ожидаю от вас больших успехов. Все мои надежды обращены на вас, так как ваши братья не добьются в жизни и половины того, чего добьетесь вы.

Для отца это было в порядке вещей, поскольку он, человек амбициозный и волевой, любил поступать по-своему. Его мало заботило, что думают о нем другие люди. Когда он пригонял скотину с фермы на забой к своей мясной лавке, то позволял животным носиться по улицам, не вникая жалобам на производимый ими беспорядок, оставляемый повсюду навоз и распространяемые болезни. Городской совет, которому надоело терпеть отцовскую дерзость и пренебрежение все более строгими требованиями держать свою скотину взаперти, вконец обозлился и вызвал отца на суд к мэру, где на него наложили штраф, однако Роберт Уолси и на

это не отреагировал. Кроме того, отца подвергали штрафу за то, что он позволял использовать свой дом как притон для азартных игр, за продажу испорченного мяса, неполных мер эля и за цены выше установленных законом. Том подозревал, что именно поэтому его отец так никогда и не стал свободным гражданином Ипсвича.

Но он любил своего норовистого родителя, спокойно относился к беспорядку и грязи, царившим в таверне, и находил, что отца очень легко порадовать. Любознательный мальчик обладал быстрым умом, хотел учиться, и учеба давалась ему легко. Каждый день он совершал короткую прогулку от дома до школы, расположенной у ворот монастыря Блэкфрайерс, позади церкви Святого Петра. Грамматическую школу основала купеческая гильдия, чтобы давать образование своим сыновьям, и у нее была столь отличная репутация, что местные аристократы – а этих людей не упрекнешь в интересе к образованию – отправляли своих отпрысков туда же. Под благосклонным, но суровым оком директора, мастера Сквайра, Том усвоил алфавит и основы латыни. Он выучил наизусть псалмы и воспылал такой любовью к музыке, что был назначен одним из хористов, которые пели каждое утро, когда вся школа собиралась на мессу Пресвятой Богородицы в церкви монастыря Блэкфрайерс.

Возвратившись домой после полудня, Том помогал отцу на постоялом дворе. Посетители его любили, а пожилой сосед Эдвард Винтер, который жил в том же доме, где находилась таверна, и пользовался тем же колодцем, дружил с ним. Не раз, будучи под хмельком, Эдвард говорил Тому, что тот далеко пойдет.

– Ыбрзованье, – едва ворочая языком, выдал он как-то вечером, – ключ к ус-спеху, малыш. С таким умом, как у ты, попадешь в Вестминстер.

– Да будет вам, – с улыбкой отозвался Том, удивляясь, что господин Винтер так ценит образование, хотя сам едва умеет читать по складам.

– Не, ты не будь как я, мальчик. Имел свой шанс да упустил. Пришлось сидеть дома, присматривать за стариком-отцом. Ты не должен так кончить.

– Да и вы не так уж плохо кончили, – утешил его Том.

Ему было грустно видеть, чем вынужден заниматься господин Винтер, чтобы обеспечить себя, но, казалось, он вел вполне сносное существование.

– Мог бы и лучше, – проворчал старик. – Но ты... ты пойдешь далеко!

– Ничего не выйдет, если он не вымоет вон те грязные бутылки, – с усмешкой сказал Роберт Уолси, входя в бар с подносом свежее испеченных пирогов.

Том сморщил нос. Мясо в начинке было с душком. Отец опять взялся за старое.

* * *

Хорошо ему жилось тогда, размышлял Том, пытаясь устроиться поудобнее на узкой кровати. Его не оставляли мысли о тех днях, когда вместе с отцом он с удовольствием посещал скотный рынок на Корнхилле, смеялся над трюками бродячих циркачей и увлеченно следил за травлей быков, а такие забавы там иногда устраивали. Однажды он видел, как вешали человека, и его ужаснули выпученные глаза висельника и то, как долго он умирал, извиваясь и дрыгая ногами, пока петля выдавливала из него жизнь. Этого зрелища ему никогда не забыть. Том предпочел не задерживаться на нем, а вспомнить свои маленькие паломничества к святынище Милосердной Богоматери на Леди-лейн, где он восторженно любовался прекрасной, украшенной драгоценными камнями статуей со светлым ликом и златовласым младенцем, прыгающим у нее на руках. Но лучше всего были красочные процессии по случаю ежегодных праздников гильдии и угощения, которые предлагались всем и каждому, для чего на улицах расставляли длинные столы. Том всегда наедался до отвала, пока ему не становилось плохо! Как же он теперь скучал по этим торжествам, по прежней жизни, где все было просто и знакомо. Оглядываясь назад, он думал о тех днях как о золотом времени.

Ему повезло. Он знал это. Епископ Нориджа, важный человек на службе у короля Эдуарда, всегда проявлял интерес к грамматической школе, и мастер Сквайр рассказал ему о превосходных успехах Тома в учебе. При следующем посещении школы епископ вызвал Тома к себе, проверил его знание катехизиса и латыни, призвал стараться еще больше, а потом, многозначительно помолчав, обратился к мастеру Сквайру:

– Знания у мальчика отличные. Я еще не встречал такой эрудиции в столь юном возрасте. Сколько вам лет, господин Уолси?

– Одиннадцать, милорд, – ответил Том.

– Хм... – Епископ задумался. – Видите ли, в моем распоряжении каждый год есть четыре места в школе при колледже Магдалины в Оксфорде. Вы наверняка о нем знаете, мастер Сквайр. Лет двенадцать назад ее основал милорд епископ Винчестерский Уэйнфлит для подготовки будущих студентов колледжа Магдалины, тоже его детища. Если семья мальчика в состоянии внести плату, я с удовольствием отдам одно из этих мест ему.

Том глядел на него во все глаза, удивленный и обрадованный такой перспективой. Поехать в Оксфорд! Хоть он и был юн, но знал, что университетский диплом открывает путь к успеху на самых разных поприщах.

– По счастливому стечению обстоятельств, – говорил тем временем Сквайр, – мой брат Лоуренс преподает в Оксфорде, и он очень хвалит колледж Магдалины. Мастер Уолси, для вас это прекрасная возможность, поймите, какую милость оказывает вам милорд епископ.

– О, я понимаю, милорд, понимаю! И очень благодарен! – воскликнул Том, пребывая, однако, в смятении из страха, вдруг отец не сможет найти деньги на отправку его в Оксфорд. – Могу я спросить, какова плата за обучение?

– Четыре фунта в год. – Епископ улыбнулся. – Как вы думаете, ваш отец сможет позволить себе это?

Надежды Тома рухнули.

– О да, – с трудом выдавил он. – Я уверен, отец сможет.

Это была ложь, Том прекрасно понимал, что такая сумма Роберту Уолси не по средствам. Но отцу придется как-то найти эти деньги, он просто обязан! Слишком многое зависело от этого.

– Церковь нуждается в таких блестящих умах, как ваш, – продолжил епископ. – Большинство ученых из Оксфорда вступают в Церковь. Многие принимают священный сан, готовясь к этому. И если вы проявите себя хорошо, перед вами откроются безграничные возможности. Даже юноши скромного происхождения вроде вас могут подняться до самых высоких постов в стране. Вам известно, что половина членов Тайного совета короля епископы? – Он помолчал, устремив взор за окно с ажурной решеткой, на пустой двор. – А теперь, мастер Уолси, я вижу, другие ученики уже ушли. Идите и вы к отцу, передайте ему мои слова. Спросите, сможет ли он оплатить взнос. После этого дайте знать мастеру Сквайру, хотите ли вы, чтобы я предложил вас на место в школе. Я уверен, что смогу уговорить начальство, и вас примут.

Решив убедить отца, что эти деньги станут хорошим вложением, Том помчался домой со скоростью греческого атлета. Сперва он обрадует родителей хорошей новостью, что у него есть шанс получить место в Оксфорде. Потом будет умолять.

Мать и отец едва не лопались от гордости, и перспектива уплаты значительного взноса за учебу в школе не уменьшила их радости. Разумеется, пришлось вызвать дядю Эдмунда и устроить военный совет.

– Очевидно, епископ считает, что Том предназначен служить Церкви, – сказал отец, когда все уселись за большим столом в таверне.

– И что думаете об этом вы, мой мальчик? – спросил дядя Эдмунд.

– Мне эта идея нравится, сэр, – ответил Том. – Это поможет мне продвинуться в жизни и приведет к процветанию семьи.

– Именно! А вы готовы упорно трудиться, чтобы добиться карьерного успеха в будущем?

– Да, сэр! – с горячностью ответил Том. – Я буду считать себя счастливым, что мне выпала такая возможность.

Перед его мысленным взором стоял манящий Оксфорд, сияющий, как некий мифический золотой город.

– Нет сомнений в том, что он обладает волей к успеху и Оксфорд для него правильное место, – изрек дядя Эдмунд. – Вопрос в том, Роберт, сможете ли вы отправить его туда?

Отец слегка сдвинул брови:

– Я уже прикидывал так и сяк, как бы мне накопить денег.

– Вы могли бы перестать таскать людей по судам, – едко заметила мать.

Отец сердито глянул на нее и прорычал:

– Я вынужден это делать, иначе как мне получить плату и защитить свои права?

– Сдается мне, вы говорите, что отправка Тома в Оксфорд потребует от вас некоторых жертв, – подытожил дядя Эдмунд.

– Я готов их принести, – ответил отец.

– Это ни к чему, – живо откликнулся дядя Эдмунд, хлопая шуринка по плечу. – Я сам заплачу за мальчика. У меня есть предчувствие, что он проявит себя в мире.

* * *

Вот так Том и отправился в школу при колледже Магдалины, ему там понравилось, и он расцвел. Да, учителя были строги – а где найдешь других? – и ожидали от учеников больших успехов. Пусть ему приходилось много трудиться, на веселье время тоже оставалось. Какие шалости они устраивали! Том едва сдерживал улыбку, вспоминая о том, что сходило им с рук. Директор так и не узнал, кто разбил окно в церкви плохо рассчитанным броском мяча и кто нацарапал непристойную надпись на стене его дома. То был не Том, но он присутствовал при совершении этих проказ и смеялся до упаду вместе со своими приятелями. Позабавиться случалось, когда он не корпел над латынью и классиками. Вероятно, «корпел» не вполне подходящее слово, потому что от трудной работы он всегда набирался силы и с удовольствием погружался в изучение трудов древних греков и римлян. Риторика ему нравилась, грамматикой он овладел блестяще. Учитель, обычно настроенный критично, не скупился на похвалы Тому и заявлял, что никогда у него не было такого способного и развитого не по годам ученика.

– Мало кто из одиннадцатилетних мальчиков имеет столь острый ум, как вы, – говорил он.

Да, Тому нравилась школа при колледже Магдалины, но время, отведенное ему там, истекло слишком быстро. Он проучился в школе всего два семестра, после чего директор сообщил, что за выдающиеся успехи в учебе его переводят в университет, и добавил:

– Вы должны решить, будете получать степень бакалавра по теологии или по каноническому праву.

Том пришел в смятение. Покинуть школу, когда он только-только освоился со всеми здешними порядками и начал заводить друзей? Он думал, что попадет в университет года через три-четыре. И все же глубоко в душе Том испытал трепет восторга. Он оправдал все ожидания и даже намного превзошел их. Показал такие способности, что сможет поступить в университет раньше, чем это делает большинство юношей. Ему предстоит изучать теологию, Священное Писание его завораживало, и дискутировать он любил. Славное будущее манило.

* * *

Теперь, лежа в общей спальне, Том пытался снова ощутить переполнявшее его по приезде в Оксфорд чувство эйфории, но сделать это было нелегко. Он не ожидал, что жизнь в этом недостроенном колледже окажется столь суровой для него – младшего из тысячи студентов. Но ничего, ему нужно приспособиться, много работать и делать все как можно лучше, если он рассчитывает оправдать надежды семьи и свои собственные, конечно. Если без этого не построить славного будущего, он сделает все и не пойдет на попятный.

Глава 2

1486 год

С течением времени лишения университетской жизни Том переносил легче, потому что будущее рисовалось все более заманчивым и это стоило страданий. Он доказал, что станет выдающимся ученым, и его наставники радовались, имея такого способного студента. В пятнадцать лет Том получил степень – это было делом почти неслыханным, – после чего восторженные товарищи и даже преподаватели стали называть его Мальчик Бакалавр.

Тем летом Том приехал домой и сообщил всем новость. Родители очень обрадовались, а гордый дядюшка Эдмунд закатил пир в его честь, на который, казалось, собралось полгорода. Однако удовольствие от похвал, которыми осыпали виновника торжества, было подпорчено тревогой за брата Роба, тот сидел на другом конце главного стола и неохотно ковырял еду. В двадцать пять лет Робу полагалось бы уже помогать отцу в многочисленных делах, но он никогда не отличался здоровьем, а теперь, сотрясаемый сильным кашлем, выглядел совсем чахлым. Мать изображала, что не придает этому значения, но Том заметил страх в ее глазах и раздумывал, стоит ли сказать ей о замеченных на носовом платке Роба ярких пятнах крови. Она должна знать, решил Том.

Когда со стола убрали остатки трапезы и заново наполнили кубки, Роб встал, улыбнулся на прощание и исчез, согбенный, как старик. Нужно было принять очевидное: его брату недолго осталось в этом мире. И что тогда? Слава богу, есть еще Уильям, ему двадцать три, и он следующий в очереди на наследство. Меньше всего Тому хотелось пойти по стопам отца. У него были свои планы.

Он с трудом заставил себя вернуться в настоящее. Разговор за столом зашел о новом короле Генрихе VII, который в прошлом году победил короля Ричарда в битве при Босворте.

– Мне все равно, что говорит парламент. – Роберт Уолси разгорячился не на шутку. – Его претензии на трон имеют очень слабые основания. Он долго не продержится.

– Это измена, друг мой, – заметил дядя Эдмунд. – Я бы на вашем месте последил за своим языком. Кроме того, король женился на наследнице дома Йорков.

– Она истинная королева! – заявила мать.

Дядя Эдмунд фыркнул:

– Сестрица, женщина не может править нами!

– Не приведи господи! – подхватил отец.

– Женщина справится и получше, чем некоторые короли, которые у нас были, – возразила Джоан. – Король Ричард убил своих племянников. Король Эдуард таскался за женщинами. Король Генрих, бывший до него, спятил. Я остаюсь при своем мнении.

– Мы не знаем точно, убил ли король Ричард своих племянников, – встрял Том. – Это просто слухи.

– Тогда где они? – спросила мать.

– Я не знаю, – неохотно признал Том. – Может быть, они по-прежнему в Тауэре.

– Едва ли, – сказал дядя Эдмунд. – Лично я верю, что их убили. А какой выбор был у Ричарда? Они всегда представляли бы для него угрозу.

– Но слухи о том, что он убил их, представляли еще большую опасность, – заметил один из членов городского совета. – Они лишили его жизненно важной поддержки.

– Что ж, надеюсь, этот новый король принесет Англии стабильность, – отозвался Эдмунд. – Но ходит столько разговоров о другом претенденте на трон... Кто знает, что будет?

– Никаких разговоров не было бы, если бы королевой стала Елизавета Йоркская, – заявила Джоан.

– Закрой свой рот, женщина, – пробормотал Роберт. – Ты ничего не смыслишь, чтобы иметь свое мнение.

Тому наскучил этот разговор. Он слышал немало хорошего о Генрихе VII, этот человек ему нравился, и он желал ему добра. Немногие разделяли такой взгляд в колледже Магдалины, так как покойный король Ричард покровительствовал колледжу, притом весьма щедро. Но нельзя же судить о Ричарде по одному этому, думал Том. И от щедрот короля Генриха колледж уже немало выгадал.

В любом случае разговор уклонился от причины, по которой они все собрались здесь, – его достижений. Пора было вернуть его обратно.

– Колледж Магдалины теперь один из богатейших в Оксфорде, – сказал Том. – Там великолепная библиотека благодаря милостям епископа Уэйнфлита. Его кончину горько оплакивали в прошлом году, и у меня лично есть много причин для признательности ему.

– Том, вы будете скучать по университетской жизни, – сказала мать.

– Вовсе нет, – улыбнулся он, – потому что я вернусь туда, чтобы получить степень магистра в области искусств. Все уже устроено. Если, конечно, дядя, вы продолжите поддерживать меня.

Мать немного приуныла, но отец горячо одобрил такую возможность:

– Конечно, мой мальчик. Вы должны упрочить свой успех.

– Разумеется, – согласился дядя Эдмунд. – Когда-нибудь фамилия Уолси станет знаменитой. Мы все рассчитываем на вас, Том.

Том улыбнулся, на душе у него снова стало легко.

– Спасибо, дядя. Я постараюсь оправдать ваши ожидания.

* * *

В таверну они вернулись после полуночи. Отец, спотыкаясь, брел по вымощенной булыжником улице, а мать неодобрительно ворчала:

– Плохо, что мальчики видят вас таким, муж мой.

– О, закрой свой рот, – пробурчал Роберт.

Когда все вошли в дом, Уильям сразу поднялся наверх. Мать, пыхтя, отправилась на кухню. Том отказался от предложения отца выпить на ночь по стаканчику и тоже взобрался по лестнице, морщась от скрипа ступеней, так как понимал, что Роб уже спит. Но, войдя в комнату, которую делил с братом, в пляшущем свете горячей свечи он увидел широко раскрытые глаза Роба.

– Отец! Мама! – крикнул Том. – Скорее идите сюда!

Ему никогда не забыть, как заголосила мать, увидев бездыханное тело своего первенца.

* * *

Разумеется, Том не мог вернуться в университет до похорон. А когда наконец оказался там, обрадовался, встретив своих приятелей-бакалавров, которые жили вместе с ним. Во время ночных вылазок в оксфордские таверны и публичные дома, которые часто заканчивались тем, что в колледж они возвращались после закрытия дверей и им, чтобы попасть внутрь, приходилось перелезть через стену, Том забывал о своем горе, забывал бледное, исхудавшее тело лежащего на постели брата.

Глава 3

1496 год

Том с нарастающим смятением читал письмо господина Винтера. Его вызывают домой, отец болен, и мать просит приехать.

Невидящим взором Том глядел в окно своей комнаты, выходявшее во двор. Больше всего его тревожила мысль: мать будет ожидать, что он останется в Ипсвиче и займет место отца, а этого ему вовсе не хотелось. Тому исполнилось двадцать пять, и университет был его жизнью. Он не собирался провести здесь остаток дней, так как был амбициозен и устремлен к высшим целям, но в университете ему нравилось, и он неплохо устроился, хотя и не так хорошо, как рассчитывал.

Он вернулся в колледж Магдалины и три года спустя получил степень магистра искусств. С тех пор он оставался в университете, продолжая изучать теологию, а в прошлом году стал членом совета колледжа.

Да, он преуспел, но мечтал не об этом. Он жаждал продвижения, стремился к реализации своих организаторских и управленческих способностей, которые не находили применения в утонченном мире университета. Его стремление занять какую-нибудь высокую государственную должность лучше всего можно было реализовать в Церкви. В одиннадцать лет это казалось ему очевидным выбором, но в том возрасте он не был способен целиком осознать, что означают обеты священства. Теперь Том стал мужчиной, отведал радостей плоти. По ночам оксфордские бордели работали вовсю, и Том иногда туда заходил. А после получения степени приобрел вкус к хорошей жизни благодаря пирушкам со своими товарищами, державшими отменный стол и жившими в относительном комфорте.

Давая дополнительные уроки и используя часть денег, которые регулярно присылал ему добрый дядюшка Эдмунд, Том иногда позволял себе сытно поесть в какой-нибудь таверне поприличнее, украсил свое спартанское жилище расписными занавесями, обзавелся кое-какой посудой. Ему не хотелось давать обеты целомудрия, бедности и послушания, не хотелось подчиняться вышестоящим. Он так и не мог принудить себя сделать этот последний шаг и вступить в Церковь.

Однако его родные явно ждали от него этого.

– Для чего мы давали вам образование? – посетовал отец во время последнего приезда Тома домой.

Роберт Уолси выглядел таким старым, таким усохшим, что Том испытал сильное чувство вины, да еще дядя Эдмунд поглядел на него, грустно качая головой, и сказал с легкой укоризной:

– Вам уже двадцать четыре.

Том кивнул. Он знал, что от него ждали принятия сана именно в этом возрасте, самом раннем, когда молодого человека могли сделать священником.

Но это не их жизнь! И решать не им! Чем недоволен отец? Том был уверен, что в свое время привлечет внимание какого-нибудь знатного покровителя и начнет подниматься в мире, не принимая святых обетов. Король Генрих, по общему мнению, склонен продвигать «новых людей», людей способных, а не только благородных. Когда-нибудь, уверял себя Том, таким человеком станет он. Почему нет?

Однако теперь эта перспектива подергивалась туманной дымкой. Неужели ему и правда предназначено отказаться от всех мирских удовольствий ради того, чтобы найти себе место,

которое одобрит отец? А если он не станет священником, принудят ли его вернуться домой, чтобы до конца дней заправлять постоянным двором? Неужели он учился напрасно?

* * *

Когда Том приехал домой, отец уже не вставал с постели. Мать, вся в слезах, не отходила от него. Том с удовлетворением отметил, что дела в таверне, на ферме и в мясной лавке взял на себя Уильям и справляется с ними вполне уверенно. Их младшая сестра Бесс помогала матери вести хозяйство в доме. Семья не нуждалась в нем, и родные явно не хотели, чтобы он вмешивался в их налаженную жизнь.

Том сидел у постели отца и удивлялся, как отощал этот некогда крупный, мускулистый мужчина.

– Я составил завещание, – хрипло произнес Роберт Уолси. – Хочу, чтобы меня похоронили на кладбище у церкви Святой Марии, рядом с вашим братом Робертом, а мою картину с архангелом пусть передадут в церковь Святого Николая. Ваша мать получит все мои земли и вещи, а после ее смерти они перейдут к Уильяму. Что касается вас, Том... – Он помолчал, чтобы отдышаться. – Вы знаете, как я хотел, чтобы вы вступили в Церковь, потому что это самый верный путь наверх. – Сердце Тома упало, но отец не заметил его смятения. – Я распорядился, если вы станете священником в течение года после моей смерти и еще год будете служить панихиды по мне, то получите в уплату за это десять марок. – (Том затаил дыхание. Сумма была ошеломляющая. Он даже не подозревал, что у отца есть такие деньги, не подозревал, что отец так сильно желает его вступления в Церковь.) – А если вы не станете священником, – продолжил Роберт, – я написал в завещании, пусть тогда другой священник служит поминальные мессы по мне и получит плату за это. Вы же дождетесь смерти вашей матери, прежде чем получите что-нибудь из моего наследства... – Голос старика затих, его изможденное лицо вдруг застыло.

Том подскочил и крикнул:

– Матушка! – Потом повернулся к отцу, но давать обещание было уже поздно.

* * *

После похорон Том с благословения Джоан Уолси вернулся в Оксфорд. Он решил как можно дольше оттягивать принятие священного сана, а пока продолжить научную карьеру и готовиться к получению степени доктора богословия. Какое облегчение – снова оказаться в своей комнате, под сенью поднимающейся ввысь башни Магдалины, собираться на веселые обеды с приятелями и наслаждаться божественным пением хора в церкви. Постоянные крики и стук молотков рабочих, которые строили новый монастырь, Тому не мешали. Это место станет оазисом мира и покоя, когда стройка завершится, только будет ли сам он еще в Оксфорде к тому времени?

Вскоре Тому предложили пост директора школы при колледже Магдалины, и он охотно согласился занять его, ведь это открывало возможности для получения патронажа, так как у джентри и аристократов входило в моду посылать своих сыновей в Оксфорд. Для того чтобы сделать первый шаг к блестящей карьере, ему нужен всего лишь один влиятельный покровитель.

Глава 4

1498–1499 годы

Том не мог уснуть. Завтра ему предстоит совершить важнейший шаг и стать священником. Он по-прежнему сомневался, правильно ли поступает. Его плоть продолжала трепетать от заложенных в нее Богом естественных желаний. Ему не хотелось ни блюсти целомудрие, ни жить в бедности, и еще меньше – в послушании. Нередко он удивлялся про себя: зачем Господь требует стольких жертв? Но таков путь к продвижению в Церкви и получению отцовского наследства. Старик был бы рад, размышлял Том. Господь был бы рад, хотя Ему ли не знать, что Его слуга не вполне искренен в своих помыслах и поступках. Мать определенно радовалась. Она прислала Тому в подарок маленькое золотое распятие на цепочке, дабы отметить его посвящение в сан. Наверное, оно обошлось ей очень дорого, потому что в нем была заключена частица Креста Господня.

Долгожданный покровитель так и не появился. Ни один высокородный лорд, посещавший Оксфорд, не взглянул на директора школы, где учился его отпрыск, и не усмотрел в нем потенциала. Наверное, эти люди считали Тома окопавшимся в университете интеллектуалом, который доволен своей должностью и, вероятно, не имеет больших амбиций. Все попытки обратить на себя внимание не привели ни к чему. И вот он, не молодеющий, вынужден смириться с очевидностью: у него не осталось другого выбора, кроме как последовать по единственной открытой ему дороге.

В какой-то момент Том едва не расплакался. Его ждало тяжелое испытание – оставить прежнюю жизнь и поступиться своей свободой в пользу высшей власти. Приложив немалое усилие, он совладал с собой. Он сделает то, что нужно, оставит прошлое позади и порадеет во славу Господа. Постарается одолеть свои инстинкты. Однако Том подозревал, что битва эта будет проиграна.

* * *

Он опустился на колени под огромной алтарной аркой церкви Святого Петра в Мальборо. Перед ним в обрамлении гигантского витражного окна, сквозь которое било внутрь мартовское солнце, восседал на троне епископ Лидда, викарий епископа Солсберийского. Возложение рук, несколько горячих молитв и потом обеты, принимать которые он так долго и мучительно не решался. Когда Том поднялся, он уже был священником, чего так желал его отец.

Посвящение в сан мало что изменило в его жизни. За неимением покровителя ему нечего было рассчитывать на карьеру в Церкви. Он вернулся в Оксфорд, где его назначили казначеем колледжа. Эту возможность больше узнать об управлении финансами учебного заведения Том горячо приветствовал и обнаружил, что справляется со своими задачами весьма успешно. В качестве казначея он участвовал в завершении строительства главной башни колледжа, но после этого был обвинен в растрате средств, и его сняли с должности. Это было несправедливо, ведь Том считал вполне приемлемым использовать деньги на работы и ничего не брал себе, как сделали бы другие. Он просто ошибся, ничего больше, а потому жарко спорил с сидевшими напротив него за столом руководителями колледжа. В конце концов они признали невиновность Тома, оставили его членом совета колледжа и на посту директора школы, однако чувство унижения еще долго жгло его изнутри. Том взялся за преподавание и написал всем извест-

ным епископам, которых мог вспомнить, убеждая их поручить ему какую-нибудь пастырскую должность, пусть даже незначительную, надеясь, что его прошения не звучат как мольбы.

Получив письмо с предложением должности окружного декана¹ в Норидже, Том, пожалуй, обрадовался, но не возликовал. Он будет получать жалованье, хотя эта деятельность не покроет его славой, да и обязанности его ждали не слишком обременительные: от него требовалось лишь служить посредником между местным духовенством и епископом. Исполнять их можно, не покидая Оксфорда, а выезжая на место раз или два в месяц или посредством переписки. Уж он постарается проявить себя наилучшим образом, пусть епископ его заметит, и тогда продвижение, может быть, наконец замаячит впереди.

Тем временем в колледже Том вел себя так, будто ничто на свете его не тревожит, силился сделать вид, что он вовсе не расстроен. Он устраивал обеды для друзей у себя и время от времени тешил уязвленную гордость со шлюхами, не обременяя угрызениями свою совесть. Статус священника оставил неизменной жизнь Тома в колледже Магдалины, к отправлению месс в церкви его привлекали лишь изредка, потому что многие члены совета колледжа были священниками. Иногда он почти забывал о своем сане, а когда вспоминал, испытывал разочарование: казалось, никаких перемен не произошло. Он по-прежнему в университете, безвылазно.

* * *

Несмотря ни на что, преподавать Тому нравилось. Глубокое удовлетворение вызывало у него чувство, что он оказывает влияние на умы молодого поколения, притом из числа представителей будущего правящего класса. Под его руководством находились юные отпрыски благородных семейств; некоторые из них были невыносимыми, избалованными повесами, но других явно научили правилам приличий и должному уважению к старшим. В числе последних были Джон, Леонард и Джордж Греи, трое младших сыновей Томаса Грея, маркиза Дорсета. Сам маркиз, красивый обходительный мужчина со светлыми волосами и прекрасной репутацией турнирного бойца, охотно доверил своих детей Тому. Маркиз был хорошим отцом, часто посещал школу и всегда призывал сыновей быть добродетельными и усердными в учебе.

Среди пэров королевства Томас Грей стоял вторым после могущественного герцога Бекингема, тем не менее с Томом он общался на равных. В отличие от Бекингема, он не мог похвастаться королевской кровью, потому что был всего лишь сыном вдовы покойного короля Эдуарда от первого брака. Тем не менее он приходился сводным братом жене короля Генриха и дядей его детям. Том молился, чтобы этот человек оказался для него тем самым долгожданным покровителем.

После завершения в декабре 1499 года Михайлова семестра маркиз лично приехал в Оксфорд забирать своих сыновей домой. Проверив их работу и удовлетворившись результатами, он прошел вместе с Томом в его кабинет выпить по кубку вина, и они завели непринужденную беседу.

– Я строю себе большой дом, мастер Уолси, – поделился с Томом его светлость. – Он находится в Бредгейт-парке, в Лестершире, но еще даже не заложен фундамент. Постоянные отсрочки очень меня расстраивают, но ожидание будет оправданно, не сомневаюсь. А тем временем я сменил обстановку в замке Этли, где миледи планирует провести Рождество. – Маркиз улыбнулся. – Я вот подумал, не соблаговолите ли вы присоединиться к нам в Этли на Йолетиды? Мальчики, я уверен, будут рады. Вы произвели на них впечатление, и я чувствую, что обязан как-то вознаградить вас за то, что вы для них сделали.

Вот он – покровитель, которого так ждал Том.

¹ *Окружной декан* – священник, наблюдающий за духовенством нескольких приходов, а также осуществляющий посредничество между епископом и местными общинами. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Это будет честь для меня, – без колебаний ответил он.

* * *

Торопливо запихивая одежду в кожаную суму, Том едва сдерживал ликование. Предложение провести Рождество в доме пэра – это действительно высокая честь. Кто знает, что последует дальше?

Том уделил время, чтобы отправить вестника в Ипсвич, где его мать со своим вторым мужем вели хозяйство на ферме, оставив Уильяма отвечать за таверну. Бесс исполнилось двенадцать, ее уже можно было выдавать замуж, но Том сомневался, готова ли она к этому, так как девочка была мала для своих лет, и надеялся, что с ее замужеством повременят. Он сожалел, что не сможет провести Рождество с семьей. Мать, конечно, будет разочарована, но она поймет, ведь ей всегда хотелось, чтобы ее сын хорошо устроился в жизни.

Покончив с этим, Том поспешил вниз и присоединился к свите маркиза.

* * *

Замок Этли был скорее укрепленной усадьбой, окруженной засыпанными снегом садом и парком. Поездка оказалась долгой и утомительной, так что Том вздохнул с облегчением, увидев огни факелов, освещавших им путь к большому дому. Он с улыбкой наблюдал за тем, как мальчики соскочили с коней и с радостными криками побежали вперед приветствовать мать, ожидавшую их у колоды для посадки на лошадей.

Обняв детей и поцеловав мужа, Сесилия Бонвилл, маркиза, тепло приветствовала Тома. Он немного благоговел перед ней, потому что эта женщина была самой богатой наследницей в Англии, когда Дорсет взял ее в жены, однако она не выказывала никакой ложной гордости, когда провожала своего гостя в спальню, подобных которой Том никогда не видел. Там стояли прекрасная кровать с балдахином из тонкой красной шерсти, вместительный резной сундук для его вещей, кресло с высокой спинкой и вышитой подушкой, на стене висела картина, изображавшая Мадонну с Младенцем. На маленьком столике помещались кувшин с вином и кубок, а окна с ромбовидными переплетами были заполнены цветным стеклом. В жаровне весело потрескивали красные угли. Откинув покрывало на постели, Том увидел под ним мягкую пуховую перину, отбеленные льняные простыни и пухлый подголовник. Вот это настоящая роскошь! Никогда еще его не размещали с таким комфортом.

Внизу замок был еще великолепнее. Присоединившись к семье за ужином в главной гостиной, Том не мог не восхититься изысканной мебелью, гобеленами, золотой и серебряной посудой и множеством поданных ему изысканных яств. Он благодарил Господа за то, что в него вдолбили хорошие манеры и ему было известно, как вести себя в благородном обществе.

Никогда еще Том не проводил дни так восхитительно. После строгостей университета пиры, веселье и развлечения были бальзамом для его зажатой многочисленными ограничениями души. Вместе со всеми домашними – хозяевами и слугами, отбросившими барьеры рангов, – под веселый треск в очаге йольского бревна Том предавался играм и праздничным забавам. Заметив, как округлили глаза трое его учеников при виде своего ревностного наставника, который самозабвенно резвится с остальными, он громко рассмеялся.

А когда маркиз попросил его сесть рядом с собой за стол на помосте, как будто он был самым почетным из всех гостей, Том почувствовал себя весьма польщенным и беседовал с хозяином так легко и свободно, словно они знали друг друга долгие годы.

– Я не всегда был в фаворе при дворе, – сказал маркиз Тому, – и не уверен, что сейчас в чести там! – Он сконфуженно рассмеялся. – Казалось, все для меня устроилось прекрасно, когда моя мать вышла замуж за короля Эдуарда и стала королевой. Но после его смерти, после

того, как король Ричард захватил трон, я почувствовал себя обязанным что-то предпринять, поскольку он третировал мою мать и объявил моих сводных братьев бастардами.

– И сделал еще кое-что похуже, если верить слухам, – осмелился вставить Том.

Маркиз склонился к его уху:

– Я полагаю, это правда, и он убил мальчиков в Тауэре. Это было царубийство, не меньше! Вот почему я присоединился к герцогу Бекингеми в его мятеже против Ричарда. Мятеж провалился, и тогда я сбежал за море, в Бретань, к графу Ричмонду, нашему нынешнему достославному королю Генриху. Никто не радовался больше меня, когда узурпатора убили на поле Босворта и Ричмонд получил корону. Его женитьбу на моей сводной сестре Елизавете я тоже принял всем сердцем.

– Как и все мы. – Том кивнул. – Мне было тогда всего пятнадцать, но я хорошо помню, какие торжества устроили в Оксфорде.

Маркиз заново наполнил им кубки и вздохнул:

– Увы, король – человек подозрительный и сразу дал понять, что не доверяет мне. Он заключил меня в тюрьму, когда самозванец Ламберт Симнел заявил права на престол, да разве я стал бы делать или поощрять какие-нибудь действия, которые привели бы к свержению моей сестры! Даже после освобождения от меня потребовали, чтобы я дал королю гарантии своей верности и отдал своего сына Томаса под его опеку.

– Но с тех пор вы процветаете, – заметил Том, польщенный тем, что обсуждает такие важные вещи с одним из главных пэров королевства.

– Это так.

– Тогда, милорд, только это и имеет значение.

Маркиз хлопнул Тома по плечу:

– Знаете, мастер Уолси, вы верно говорите!

В то Рождество, окруженный весельем и роскошью аристократического поместья, Том ощутил глубокое внутреннее стремление жить в такой же великолепии. На мгновение, не больше, он увидел себя главой похожего дома, но потом усмехнулся своей самонадеянности. Однако, беседуя с хозяином, он невольно задумывался: готов ли маркиз распространить на него свое покровительство? Если нет, у него наверняка имеются влиятельные знакомые при дворе. Захочет ли он поговорить с ними о Томе? Удобно ли попросить его об этом? Почему нет? Но какие бы шаги он ни предпринял, придется ждать окончания рождественских праздников. А пока Том был намерен развлекаться сколько сможет!

Глава 5

1500–1501 годы

– Я очень доволен тем, как вы наставляли моих сыновей, – сказал Дорсет в последний вечер визита к нему Тома.

Двенадцатую ночь справили буйно, праздничные украшения сняли, и новый год вступил в свои права, пахнув обыденностью.

Завтра утром Том уедет в Оксфорд, а до сих пор еще ни слова не было сказано о возможностях получить какие-нибудь преференции. Теперь он сидел за столом с маркизом и маркизой, остатки трапезы убрали, перед ними лежали карты и кости. Другого момента подступиться к маркизу со своей просьбой не представится.

– Это честь для меня, – сказал Том. – Милорд...

Но Дорсет перебил его:

– Вот именно! Вы так порадовали меня, что я хочу вознаградить вас.

Сердце Тома учащенно забилося.

– У меня есть бенефиций², которым я могу распоряжаться, – приход в Лимингтоне. Он сейчас никем не занят, и я бы хотел, чтобы вы приняли его, мастер Уолси, в награду за ваше усердие. Когда мои мальчики отправятся в школу на Михайлов семестр, у них будет новый учитель, потому что вы должны стать пастором в Лимингтоне. Жизнь там весьма приятна. Это процветающий торговый городок в Нью-Форесте, и церковь Святого Фомы находится в самом центре. Каждый год там устраивают ярмарку, и побережье совсем близко. Вы там отлично устроитесь, я не сомневаюсь, а собственный приход обеспечит независимость, которой вам так не хватает в Оксфорде.

* * *

Не этого Том хотел. Он жаждал получить место при дворе, быть в центре событий, исполнять роль, в которой мог бы целиком использовать свои знания, свои таланты и административные навыки. Зброшенный в Лимингтон, вдали от Лондона, какие он получит шансы завести контакты, столь важные для его амбициозных планов?

Том заставил себя улыбнуться и многословно поблагодарил своего улыбающегося благодетеля. Потом допил вино, чтобы заглушить разочарование.

– С вашего позволения, милорд, я пойду в свою комнату собирать вещи, так как завтра рано утром отправляюсь в путь.

Он быстро поднялся наверх, чувствуя, что опасно близок к слезам.

* * *

Жизнь вернулась в обычное монотонное русло. Он преподавал, учился, дважды ездил домой в Ипсвич, но ни разу не заикнулся там о Лимингтоне, ведь родные наверняка стали бы убеждать его, чтобы он занял предложенное место. Как бы их это порадовало! Его сжигала досада. Он даже подумывал о том, чтобы отвергнуть предложение маркиза, рассудив, что у него

² Бенефиций у католиков – доходная должность в Церкви или земельный участок, пожалованные духовному лицу за заслуги.

есть больше шансов получить желанное повышение в Оксфорде. Но сколько лет он уже провел здесь после получения степени? Четырнадцать, и до сих пор никакого покровителя у него не появилось. Лучше ему отправиться в Лимингтон и доказать там, на что он способен. Если ему повезет, епископ Бата и Уэллса заметит его и предложит что-нибудь более подходящее к его способностям. Тщеславием Том не отличался, но цену себе знал.

Месяцы шли, наконец наступил октябрь. Том покидал Оксфорд почти без сожалений. Он провел здесь слишком много времени, он потратил свои молодые годы, ведя почти монашескую жизнь. Ему нравились ученые занятия, нравилось преподавать, но пора было двигаться дальше. Он оттачивал умение управлять, занимаясь школой, и ему не терпелось приложить обретенные навыки к более широкому полю деятельности. Прощальные слова коллегам и ученикам Том сказал с легким сердцем и отправился на юг, погрузив свои пожитки на вьючного мула, который послушно трусил позади его коня. Погода стояла отличная, листья расцвели всеми оттенками золотого и красного. И Том, хотя и не без оговорок, испытывал радостные предчувствия.

* * *

Маркиз не ошибся. Лимингтон оказался вполне удобным приходом. Как только Том принял обязанности священника и ознакомился с правилами, по которым пойдет его новая жизнь, он смог оглядеться вокруг с некоторым удовлетворением. Просторный дом священника был хорошо обустроен. Он стоял в прелестном саду рядом с церковью, достаточно красивой благодаря щедрости благочестивых покойников, которые лежали там в своих гробницах. Том обнаружил, что ему нравится проводить службы, совершать таинства, знакомиться с прихожанами, самых важных из которых он очаровывал – даже строгого шерифа сэра Эмиаса Паулета, – и заручаться их доверием. За небольшую плату он взялся обучать их сыновей и вскоре пришел к пониманию того, что жизненный успех – это не только получение высоких должностей, но и помощь людям, особенно в трудные времена, а также возможность убеждать их в любви Господа.

Сидя за столом у окна с ажурной решеткой, Том писал епископу, стараясь без хвастовства сообщить ему о том, как улучшил жизнь в приходе и насколько успешно управлял им. И все же ему хотелось большего.

* * *

В Лимингтоне Том провел около года, когда получил письмо. Он прочел его и не мог поверить тому, что узнал. Маркиз Дорсет, его благодетель, покинул этот мир. Новость потрясла Тома, он почувствовал, что потерял опору. Пытаясь собраться с мыслями, он оценивал сложившуюся ситуацию. Много, разумеется, зависело от того, расположен ли новый маркиз относиться к нему с добротой. Том молился, чтобы так и было, ведь молодой человек являлся видным придворным и многое мог сделать для него. Кроме того, Тому больше некуда было податься.

Он пребывал в смятении. Не мог успокоиться. Желая как-то отвлечься, он надел плащ и вышел на улицу. Осень радовала красками, и город деловито бурлил. Том бродил среди лавок, по ушам били крики расхваливавших свои товары торговцев, мычание приведенного на продажу скота, громкий говор толпы. Он проталкивался сквозь людскую массу, не отвечая на приветствия знакомых и не обращая внимания на удивление на их лицах. Редко Том чувствовал себя таким несчастным. Неужели ему суждено вечно искать продвижения и не получать его? Может ли быть, что все эти годы в университете потрачены впустую?

От шипевшей над огнем сковороды валил запах жареной рыбы, Тома затошнило. У лавки, где виноторговец продавал тонкие вина из Франции, он остановился, чтобы взять на пробу стаканчик. Вино было крепкое, пьянящее, и Тому сразу стало лучше, так что он заплатил за большой кубок и выпил его содержимое несколькими большими глотками. Потом взял еще один и еще. Вытерев рот платком и ощущая блаженное благополучие – все проблемы теперь казались ему незначительными, – он направился домой, не слишком твердо держась на ногах. Петляя в толпе, Том наталкивался на людей, которые раздраженно оборачивались, а затем, поняв, кто перед ними, изумленно таращились на него.

Не заметив камня под ногами, Том споткнулся и упал. Стоя на четвереньках, с саднящими коленями, в покрытой пылью сутане, он увидел перед своим носом пару кожаных башмаков. Его глаза совершили путь вверх, и он обнаружил, что перед ним стоит не кто иной, как грозный сэр Эмиас Паулет.

– Стыдитесь! – прорычал шериф. – Еще священник называется! Вы позорите свой сан. Милорд маркиз узнает об этом!

– Нет, прошу вас! – взмолился Том, поднимаясь на ноги и мгновенно отрезвляясь. – Мне будет не на что жить.

– Другого вы не заслуживаете! – рявкнул сэр Эмиас.

– Я только что узнал о кончине его светлости, – промямлил Том, – и был так расстроен, что решил утопить свою печаль в вине, но я не привык к такому крепкому. Прошу, простите меня, все вы. – Он обращался к собравшимся вокруг зевакам, ему было очень стыдно.

Сэр Эмиас остался глух к его мольбам.

– Не пристало человеку вашего звания вести себя так позорно. Я не допущу, чтобы это осталось безнаказанным.

Он подозвал констебля, а тот притащил омертвевшего от ужаса Тома на рыночную площадь и заковал в колодки, довершив его унижение. Лавочники собрались вокруг, некоторые глумились над ним. Но другие слышали, как Том оправдывался перед сэром Эмиасом, и не поддерживали хулителей.

– Отнесите к бедняге с милосердием! – крикнул один. – Он не знал, какое крепкое ему попало вино. Такое может случиться с каждым.

– Да, – вмешался виноторговец. – Оно крепкое. Жаль, что я не предупредил его.

– Отец Уолси – хороший человек, – со злостью заявила одна женщина сэру Эмиасу, стоявшему на страже у колодок. – Он неустанно заботится о наших душах и учит наших детей.

– Это не по-христиански – так обращаться с ним! – воскликнула другая.

Сэр Эмиас, похоже, дрогнул. Настроение толпы ухудшалось. Кто-то швырнул рыбью требуху, но не в Тома в колодках, как можно было бы ожидать, а в самого шерифа, который с отвращением взирал на куски отбросов, украсивших его прекрасную черную мантию.

Он повернулся к констеблю и резко бросил:

– Отпустите его. А вы, святой отец, идите домой и не забывайте урока, который я вам преподавал!

Тома освободили, и люди радостно закричали, даже те, кто сперва насмеялся над ним.

Войдя в дом, Том испытал небывалую радость. Прислонившись изнутри к двери, он ощущал биение сердца, в котором возмущение боролось со стыдом. Завтра у него будет жутко болеть голова, он это знал. А с сэром Эмиасом Паулетом он когда-нибудь посчитается, поклялся себе Том.

Глава 6

1502 год

Тому не стоило переживать. Новый маркиз, очевидно, ничего не узнал о происшествии на ярмарке. На самом деле он, скорее всего, получал хорошие отзывы о Томе, потому что оказался для него таким же добрым покровителем, как и его отец. Однако продвижение по службе, что довольно странно, пришло не через него, а из Оксфорда. Один из членов совета при встрече с архиепископом Кентерберийским, когда примас посещал колледж Магдалины, узнал, что его милость ищет нового капеллана, и порекомендовал своего усердного старого друга отца Уолси. Вскоре Том был катапультирован в самый центр государственных дел и делил свое время между Кентербери и Ламбетским дворцом. В Лимингтон, а местный приход ему разрешили сохранить за собой, он приезжал лишь изредка. Для священников, которые занимали несколько церковных должностей, отсутствовать в своем приходе было обычным делом, и Том успокаивал совесть, допекавшую его укоризнами за то, что он буквально бросил свою верную паству, убеждая себя, что его новые обязанности гораздо важнее. Он не только служил духовником архиепископа, но еще и активно занимался множеством административных дел, которые требовали его внимания.

Тому безмерно нравился дружелюбный архиепископ Генри Дин, шестидесятилетний старик, в два раза старше Тома, но тоже выпускник Оксфорда. У них было много общего, хотя Дин изучал в университете право, а не теологию. Как и Том, он был незнатного происхождения, однако возвысился в церковных кругах, сделал выдающуюся карьеру в политике и лишь недавно занял самый высокий пост в Английской церкви. Король очень уважал его и сделал лордом – хранителем Малой (личной) печати.

Перед этим необыкновенно одаренным и обладавшим огромной властью, но очень скромным человеком, за душу которого он теперь был в ответе, Том благоговел. Он внимательно наблюдал и примечал, как Дин энергично исполняет свои административные обязанности, и многому научился, дотошно изучая планы его многочисленных строительных проектов. Как это, должно быть, здорово – иметь средства для завершения таких работ и по примеру архиепископа жить среди роскоши и великолепия? Том не мог подавить в себе приступов зависти. И все же он был многим обязан Дину, особенно когда в марте его взяли ко двору в Вестминстер и представили самому королю. Том считал, что попал на Небеса, войдя в зал для приемов и увидев монарха, сидевшего на троне в дальнем конце зала. Именно здесь Том хотел находиться и был уверен, что предназначен для этого.

На первый взгляд король Генрих VII не производил особого впечатления. Он был высоким и худым, с жидкими седыми волосами и подозрительным взглядом. На плече у него сидела обезьянка.

– Отец Уолси, – сухо произнес король, – я слышал о вас много хорошего. Если милорд архиепископ соблаговолит когда-нибудь расстаться с вами, здесь при дворе вам найдется место.

Тому потребовалось всего мгновение, чтобы подобрать достойный ответ.

– Я благодарю вашу милость, – пробормотал он. – Сказать по правде, мне нелегко будет сделать выбор, ибо я не знаю, где еще смогу найти двух таких блистательных покровителей.

– У вас медоточивый язык, – заметил король и наконец улыбнулся. – Вы льстец, отец Уолси?

Том невольно вспыхнул:

– Надеюсь, нет, ваша милость. Я прошу лишь о том, чтобы мне дали возможность служить там, где я лучше всего пригожусь.

– Такую скромность редко встретишь, – заметил король.

– Отец Уолси – одаренный и способный человек, неутомимый труженик, – сказал ему архиепископ.

– Я уверен, он был бы вам полезен при подготовке договора о вечном мире, который мы только что подписали, и в организации двух королевских свадеб.

– Да, сир. Его помощь была бы неоценимой.

Том знал все о соглашении, которое должно было принести продолжительный мир между Англией и Шотландией. Его скрепили в январе браком дочери короля, принцессы Маргариты, с королем Яковом IV. Том хотел бы быть причастным к этим переговорам и к организации свадьбы Артура, принца Уэльского, наследника трона, с испанской инфантой Екатериной Арагонской, которую справили в прошлом ноябре, по общему мнению очень пышно. Он понимал, что эти союзы являются триумфами дипломатии, и жаждал больше знать о том, как ведутся такие переговоры и как формулируются соглашения, чувствуя, что, применив собственные организаторские способности, мог бы быть более чем полезен на дипломатическом поприще.

Король поднялся с трона и поманил обоих гостей в нишу у окна, где они могли побеседовать более приватно, удалившись от толпы придворных, которые набились в зал для приемов.

– Принц нездоров, – понизив голос, сказал Генрих. – Честно говоря, меня тревожат отчеты, которые его врач присылает из замка Ладлоу.

Архиепископ набожно перекрестился:

– Я буду молиться, чтобы он поскорее выздоровел, сир. Не забывайте, все в руках Господа.

Том недоумевал, что случилось с принцем Артуром? Никаких слухов о болезни наследника до него не доходило.

– Ему нужны ваши молитвы, – сказал король, и его глаза вдруг увлажнились. – Говорят, у принца чахотка. Он стал худым, как скелет.

Дин покачал головой:

– Будем надеяться, что это мнение ошибочно. Он такой многообещающий молодой человек.

Том понимал: нужно дать почувствовать свое присутствие.

– Я очень сочувствую вашей милости и королеве. И тоже буду каждый день молиться за принца. Если я еще чем-нибудь могу помочь, то охотно сделаю это.

– Благодарю вас, – отозвался король. – Я не забуду вашу доброту.

Они заговорили о других, менее душещипательных предметах, а потом аудиенция завершилась. Архиепископ с Томом раскланялись и покинули дворец. Их путь пролегал по увешанным прекрасными шпалерами галереям. Когда-нибудь этот великолепный мир будет принадлежать ему, поклялся себе Том.

Проходя мимо окна с каменным средником, он увидел внизу сад, где сидели, глядя в книгу, двое детей: крупный, красивый и крепкий мальчик и очень милая маленькая девочка.

– Младшие дети короля, – пояснил Дин. – Принц Генрих, герцог Йоркский, и принцесса Мария. Если, не дай бог, что-то случится с принцем Артуром, Генрих – следующий в очереди на престол.

Том взгляделся в мальчика. Было в нем что-то – некая внутренняя живость, заметная, даже когда он сидел спокойно. А когда принц засмеялся, то стал совсем очаровательным. «Вот сын, которым можно гордиться», – подумал Том, и у него сжалось сердце: он и сам хотел бы иметь такого.

* * *

В лодке на обратном пути в Ламбет Том размышлял о вопросах плоти. В последние годы он не хранил целомудрие, несколько раз нарушал целибат, но женщины, с которыми он встречался, были для него не более чем мимолетными увлечениями, он их использовал, приходилось это признать. А чего еще ожидать от зрелого тридцатилетнего мужчины? Том по-прежнему считал обет безбрачия отвратительным. Глупо рассчитывать, что мужчины будут воздерживаться от потакания своим природным инстинктам, заложенным в них Господом, глупо отказывать им в семье и детях. Очень многие церковники не отказывали себе в плотских утехах, это ему уже было известно. Он знал о епископах, которые содержали любовниц и называли своих внебрачных детей племянниками. Кого они хотели этим обмануть?

Было бы куда лучше, думал Том, если бы священникам разрешили жениться. Может, это и звучит кощунственно, но в таком случае святые отцы чутче понимали бы свою паству и сами не преступали бы церковный закон, прелюбодействуя. Тем не менее он сомневался в том, что Церковь когда-нибудь склонится к такой точке зрения. А даже если это произойдет, он не знал ни одной женщины, на которой хотел бы жениться. Ни одна из тех, кого он познал в библейском смысле слова, не воспламенила его сердце.

Глядя в щербатое зеркало, которым он пользовался во время бритья, Том видел симпатичного парня с пухлыми щеками, большими, широко расставленными глазами, полными, чувственными губами и – что его не слишком радовало – намечающимся вторым подбородком, который появился вследствие чрезмерного увлечения вкусной едой и вином. Но добрая трапеза была одним из главных удовольствий в его жизни, а если расплатой за это служило расширение талии, так тому и быть. Рядом не имелось никого, кто мог бы корить его или критиковать, ни одной женщины, для которой он хотел бы привлекательно выглядеть обнаженным.

Том покосился на сидевшего рядом с ним в лодке архиепископа. Что бы тот сказал, знай он, о чем думает его духовник? Церковник старой школы, Дин, вероятно, ужаснулся бы, впрочем Том в этом сомневался. Старика Дина скорее потрясли бы мысли близкие к ереси, чем любострастные. Архиепископ был человеком умудренным жизненным опытом, чтобы возмущаться, ведь он и сам на исповеди признавался, что его посещают разные нескромные фантазии.

Они сошли с лодки у лестницы, ведущей к Ламбетскому дворцу, и побрели к нему через сад. Вследствие только что совершенного мысленного путешествия Том ощущал внутри себя пустоту, пространство которой должно быть заполнено любовью – чувством, какого он по-настоящему никогда не испытывал, за исключением любви к своим родным. Однако чрезмерная сосредоточенность на своих амбициях не позволила ему долго размышлять о таких вещах. Очень многое в жизни приносило ему удовлетворение, а вскоре он получит новые предпочтения, тут и сомневаться нечего. Ни одному человеку не дано иметь все, чего он хочет.

* * *

Тепло укутанный от февральского холода, Том вошел в часовню Ламбетского дворца и сел на свое обычное место. Развернув орарь, он поцеловал его и накинул на шею. И ждал. Ждал. Где же архиепископ? Обычно тот был пунктуален как при исповеди, так и во всех прочих делах. Прослужив ему уже больше года, Том прекрасно знал это. Они очень хорошо сработались, и Том был благодарен Дину и за полученный при решении разных епископальных дел опыт, и за многочисленные возможности доказать, чего он стоит. Дин часто хвалил его распорядительность и энергию при исполнении разных заданий.

Когда колокол пробил очередной час, Том поднялся, снял орарь и пошел искать своего господина. Он нашел его в кабинете согнувшимся над молитвенным столиком. Одного взгляда на старика хватило, чтобы понять: Дин мертв.

* * *

Похороны устроили в Кентерберийском соборе. Том пришел отдать последние почести, на сердце у него было тяжело. С момента смерти своего почтенного господина он пребывал в унылом оцепенении не только потому, что скорбел о кончине архиепископа, но и потому, что сам остался без опоры. Замену Дину не выбрали, а значит, для Тома не осталось места при дворе архиепископа. Как жестока судьба, вознесшая его к такой вершине на столь короткий срок и вновь низринувшая его оттуда! Теперь придется опять искать нового покровителя, устало размышлял Том.

Но на этот раз все будет иначе. Ныне он вращался в других кругах, знал людей, имел связи. И случилось так, что, покидая собор среди толпы облаченных в черное скорбных участников похорон, Том оказался рядом с одним пожилым, хорошо одетым мужчиной, которого не узнал.

– Прекрасная служба, – вежливо заметил Том.

– Да, и в честь великого человека, – отозвался его спутник. – Большая утрата для Англии. Интересно, кто его сменит?

– Говорят, это будет Уорхэм, новый епископ Лондонский.

Уорхэм был хранителем архивов Канцелярского суда, дипломатом и законником, он делом доказал, что полезен королю.

– Я об этом еще не слышал, – сказал собеседник Тома. – Вы служили при дворе архиепископа?

– Да, – с сожалением ответил Том. – Я был капелланом его милости. Томас Уолси к вашим услугам, сэр.

– Уолси! Мне говорили о вас, причем только хорошее.

– Мне приятно это слышать.

– Говорят, у вас талант справляться с делами. Очень полезный для капеллана. Простите, я должен был представиться. Сэр Ричард Нанфан. Вероятно, вы не знаете обо мне, потому что последние десять лет я провел в Кале, служил казначеем у наместника короля. Приехал домой в отпуск, но скоро возвращаюсь назад.

Они приближались к воротам церкви Христа.

– Знакомство с вами доставило мне удовольствие, сэр Ричард, – сказал Том. – А теперь я должен идти к себе и собирать вещи, потому что завтра освобождаю свои комнаты.

– У вас есть новое место? – вежливо спросил пожилой рыцарь.

– Вообще-то, нет. Возможно, я вернусь в Лимингтон и останусь там, пока не решу, что делать. – Том понимал, что в его словах и тоне сквозит уныние, но не имел сил скрывать свои чувства.

– Удивительно, что человека ваших способностей и репутации никто не перехватил! – воскликнул сэр Ричард.

– Прошло совсем мало времени, – ответил Том. – Никто еще не знает о происходящем.

– Я не думаю... Нет, я уверен, вы не станете рассматривать это. – Его новый знакомый замялся.

– Рассматривать что? – Том был заинтригован.

– Ну... такой важный молодой человек, как вы, вероятно, не захочет служить у такого старика, как я. – Сэр Ричард улыбнулся. – Я не смогу предложить вам больших преференций, но мне нужен капеллан, и жить в Кале ничуть не хуже, чем в любом другом месте. Там вы

наверняка привлечете внимание сэра Эдварда Пойнинга, лорд-наместника. Он выдающийся человек, давно служит короне и на хорошем счету у короля.

Том мигом насторожился. Перед ним открывались новые возможности. И поездка в Кале станет отличным приключением, пусть даже условия там довольно скромные. Ему всегда хотелось совершить путешествие за границу.

– Это будет честь для меня, сэр Ричард, – сказал он, и на сердце у него сильно полегчало.

* * *

Тома предупреждали, что Английский канал может быть суров и непредсказуем, но он наслаждался путешествием из Дувра, восторгался величавым движением корабля и с любопытством вглядывался в туманное побережье, видневшееся впереди. Территория Кале – это была не Франция, а форпост Англии, отвоеванный у французов сто пятьдесят лет назад во время Столетней войны.

– Вот и все, что осталось от нашей империи, – печально заметил сэр Ричард, подходя к стоявшему на баке Тому. – Аквитанию мы потеряли пятьдесят лет назад. Досадно думать, что после стольких битв французы все-таки победили и забрали принадлежащее нам по праву. По мне, так это позор, что король Генрих не стремится отвоевать утраченное, но он ненавидит войны и не станет тратить на них деньги без крайней необходимости.

– Я понимаю вас, – отозвался Том, – но разве вы не считаете, что мир между нашими народами лучше любой войны? Я согласен с королем, который мог бы совместить на гербе французские лилии со своими леопардами, но, очевидно, как правитель он слишком мудр и осторожен, чтобы предъявлять свои претензии Франции силой оружия. Цена может оказаться очень высокой не только в деньгах, но и в человеческих жизнях тоже.

Сэр Ричард усмехнулся:

– Редко от кого из англичан услышишь такое. Большинство жаждут возвращения тех славных дней и повторения великих побед, таких как Креси, Пуатье и Азенкур.

– Вы верно говорите, – согласился Том, – но преимущества мира многообразны. Расцветут торговля и культура. Подумайте о тех чудесах, которые происходят в Италии, – искусство, архитектура! В Оксфорде хорошо знают об этом, у архиепископа были французские книги со строительными проектами, в которых скопированы итальянские модели. Если начнется война, все они будут развеяны по ветру.

– Интересно, какое применение найдет вам лорд-наместник, господин Уолси!

– Мне не терпится познакомиться с ним!

* * *

Башни цитадели и возвышающаяся за ней часовая башня ратуши произвели на Тома сильное впечатление, когда он вместе с небольшой свитой сэра Ричарда сходил с корабля перед массивными Фонарными воротами, главным входом в окруженный стеной город Кале. Крепость простояла здесь, на страже границ, почти триста лет, сообщил ему сэр Ричард. На многие мили вокруг города простирались земли, которые назывались Пале-Кале и которыми владели английские короли. Гавань, где пристал корабль, была полна самых разнообразных судов, с них выгружали товары. Теперь Том понимал, почему Кале называли самой яркой жемчужиной в английской короне.

Пока они ехали верхом по узким улочкам с красивыми деревянными домами и через торговые площади, где толкались солдаты гарнизона, продавцы, разносчики и горожане, Том видел, что этот город процветает. Вскоре они добрались до резиденции губернатора – величественного Казначейского дворца, который стоял напротив церкви Святого Николая и должен

был стать домом для Тома на обозримое будущее. Его приятно удивила отведенная ему там просторная комната с удобной кроватью с синими шерстяными занавесками. Окна, имевшие ставни, были даже застеклены, а перед очагом стояла резная скамья.

Том быстро освоился с жизнью в свите сэра Ричарда. Он старался служить своему господину мудро и ненавязчиво, много работал, чтобы доказать, чего стоит. Ведь он был не просто капелланом; прошло совсем немного времени, и его покровитель понял, что может доверить Тому все административные дела, а кроме того, с толком использовать его знания в финансовых вопросах. Вскоре двое мужчин крепко сдружились. В каком-то смысле стареющий рыцарь заменил Тому отца, заботился о его интересах и с отеческой благосклонностью приглядывал за ним.

Сэр Эдвард Пойнингс сразу понравился Тому, он признал в нем умного, достойного доверия, опытного в миру человека и вскорости, по рекомендации сэра Ричарда, уже успешно исполнял поручения сэра Эдварда, за что не раз удостоивался похвалы. Стало само собой разумеющимся, что всякий раз, когда сэр Ричард отправлялся на ужин к лорд-наместнику, Том обязательно сопровождал его.

Том наслаждался участием в их беседах. Причастность к высокой политике была для него самым дыханием жизни.

– Французы всегда жадными глазами заглядывались на Кале, – сказал однажды вечером сэр Эдвард, когда они ужинали в его богато убранной столовой. – Они намерены вернуть его.

– Но это напрасные надежды, не так ли? – заметил один из восьми гостей. – Город прекрасно защищен.

– Что касается гарнизона, то да, но содержание этих мощных укреплений обходится очень дорого. Правителям в Вестминстере приятно тешить себя мыслями о том, как почетно владеть Кале, но они не хотят платить за эту привилегию. Мой бюджет, увы, вечно в дырах.

– Но торговля здесь, по-видимому, процветает? – спросил Том.

– Да, но выгоды по большей части получает корона. – Хозяин застолья поморщился.

– Да, – вмешался сэр Ричард. – Если бы нам доставалась хотя бы часть из них...

Тому хотелось высказать смелую мысль, что Англии пошло бы на пользу, если бы она отдала Кале французам и взяла с них за это высокую плату, но он чувствовал, что такое соображение не встретит поддержки у его собеседников.

Разговор переключился на короля Людовика и скандалы французского двора.

– По крайней мере, за Кале больше не борются Франция с Бургундией, – сказал сэр Ричард.

– Да, пусть даже лишь потому, что Франция теперь владеет герцогством Бургундия. Говорят, хитрый лис Максимилиан Австрийский сильно недоволен. – Сэр Эдвард пустился в объяснения, хотя Том уже постарался узнать все, что мог, о политическом мире за порогом Англии. – Он был женат на покойной герцогине Бургундской и позаботился о том, чтобы женить своего сына на Хуане Кастильской, которая вполне может стать королевой Испании, если суверены Фердинанд и Изабелла не обеспечат ее братом. Разумеется, французам это не понравится! Они терпеть не могут испанцев, так было всегда. К тому же, говорят, Хуана не в себе.

– Мне кажется, испанцы отставят ее в сторону, отдав предпочтение ее наследнику, инфанту Карлу, – высказался сэр Ричард.

– Тогда они создадут себе еще больше проблем, – вставил свое слово Том, – ведь ему всего три года!

– Ах, но когда-нибудь он станет великим правителем, так как унаследует не только Испанию, но, вероятно, и все владения Габсбургов, а если его дед Максимилиан займет трон императора Священной Римской империи...

– О чем он мечтает с тех пор, как восемнадцать лет назад был избран королем римлян, – перебил его сэр Эдвард. – И да, Карл действительно может заполучить императорскую корону.

Том слушал их разговор, запоминал детали. Даже здесь он как будто жил в мире королей и императоров. В действительности он находился очень близко к арене главных событий христианского мира. До Парижа меньше двухсот миль, на быстрых лошадях всего четыре дня пути. Том надеялся когда-нибудь посетить этот город. Но пока ему вполне хватало Кале. У него был добрый хозяин, сэр Ричард, и влиятельный знакомый, сэр Эдвард. Он хорошо проведет здесь время. Пока.

Часть вторая. «Из бедности к изобилию»

Глава 7

1507–1508 годы

Том стоял на коленях у постели, его окружали члены семьи Нанфан, тоже коленапреклоненные. Опустив голову, он молился о душе сэра Ричарда, только что покинувшего этот мир, измученного болезнью, от которой его тело покрылось язвами. Слезы, катившиеся из глаз Тома, были искренними, так как за пять лет службы он полюбил старика. Любовь эта не осталась безответной. Сэр Ричард в полной мере оценил, насколько Том был ему полезен, а также его ум, его серьезность и умение вести себя. Постепенно старик передал Тому все свои обязанности казначея, а когда ввиду преклонного возраста сэра Ричарда освободили от должности и позволили вернуться в Англию, чтобы дожить остаток дней на покое, он взял с собой любимого капеллана и даже назначил его своим душеприказчиком.

Вот так в прошлом году Том оказался в живописном особняке, окруженном рвом, в поместье Бёртсмортон в Вустершире, который сэр Ричард построил для себя несколько десятилетий назад. Том вновь находился за пределами орбиты общественных дел. В тридцать пять лет, когда песок все быстрее убывал в песочных часах, это было досадно, тем не менее Том испытывал признательность к своему покровителю и искренне скорбел о его кончине.

Теперь он – в который уже раз – свободен и может идти собственным путем. Как только поместье перейдет в новые руки, он поедет домой в Ипсвич, чтобы подвести итоги своей жизни.

Но его опередили. Сэр Ричард вознаграждал своего слугу так, что это превзошло самые невообразимые мечты Тома, который ничего не ведал об этом, пока в Бёртсмортон не доставили письмо с королевской печатью. Произошло это сразу после смерти сэра Ричарда, настолько быстро, что, казалось, весть о кончине старика еще не могла достигнуть Лондона. Король благодарил сэра Ричарда за рекомендацию. Ему действительно нужен капеллан, и отец Уолси как нельзя более подходит для этого.

Том едва верил своему счастью. Несмотря на скорбь, его дух воспарил. Именно этого он ждал всю свою взрослую жизнь. Он поедет ко двору и будет служить самому королю!

* * *

Ричмондский дворец, новехонький, сиял на солнце, его позолоченные шпили и луковки куполов высились над Темзой, напоминая цитадель из древних легенд. Том прищпорил коня и подъехал к огромному гейтхаусу³, где его поглотила беспокойная толпа стоявших в очереди

³ Гейтхаус – дом со встроенными в него воротами.

придворных, церковников, торговцев и слуг, которые ждали, когда настанет их черед объяснить стражникам, по какому делу они явились, и получить отмашку, позволяющую войти.

Наконец Том ступил на широкий внешний двор, где его встретил ашер⁴ и проводил в отведенное ему жилище. Они поднялись по лестнице, прошли по галерее, в конце которой ашер отпер дубовую дверь.

– Ваши комнаты, отец, – сказал он. – Его милость желает видеть вас в своем кабинете, когда вы освежитесь после дороги. Я подожду снаружи и отведу вас к нему.

В комнате, залитой светом из окна с ромбовидными стеклами, стояли стол, скамья, сундук и жаровня. Стены были побелены, на полу – подстилка из тростника. Том вошел через открытую дверь и оказался в спальне, где была кровать с балдахином и молитвенный столик, а в углу даже имелся нужник, за что Том возблагодарил Господа.

Однако не стоило заставлять короля ждать. Том поставил свой багаж на кровать, вымыл лицо и руки, воспользовавшись кувшином с водой и тазом, которые приготовили для него и оставили на широком подоконнике. Затем сбросил с плеч дорожный плащ, повесил его на крючок на стене и, смахнув пыль с сутаны, надел на шею подаренное матерью золотое распятие. Он был готов.

* * *

– Добро пожаловать, отец Уолси, – произнес король Генрих.

Он сидел за столом, заваленным счетными книгами и разными документами, и выглядел еще более худым и иссохшим, чем запомнилось Тому, но вел себя приветливо.

Том поклонился, потом вспомнил, что нужно поднять руку в благословении. Король перекрестился.

– Отец Уолси, меня опечалила новость о кончине моего верного слуги сэра Ричарда Нанфана. Он очень тепло отзывался о вас, вы знаете.

– Мне неловко слышать это, ваша милость.

Король пристально взгляделся в Тома:

– Я уверен, вам не нужно объяснять, в чем состоят обязанности капеллана, но примите к сведению: каждое утро в семь часов я слушаю мессу в своей личной молельне, она находится по соседству с этим кабинетом, и раз в неделю, по субботам, я исповедуюсь. По воскресеньям и в праздничные дни вы будете сопровождать меня в Королевскую часовню. Мне говорили, вы весьма умело управляетесь с разными делами, так что при необходимости я буду обращаться к вам за помощью, но в остальном вы можете распоряжаться своим временем. Лорд-управляющий объяснит вам, какое пособие вы будете получать при дворе, и покажет, в какой конюшне стоит ваш конь.

Все это звучало вполне ясно, только...

– Ваша милость, что это за пособие?

На короля вдруг напал сильнейший приступ кашля, что привело Тома в смятение. Кашель был резкий, спазматический, а когда король наконец обрел способность говорить, голос у него был сиплый.

– Это ежедневный паек, состоящий из хлеба, эля, мяса, дров и угля, – с трудом проговорил Генрих. – Прекратите, сэр! – Последние слова были адресованы обезьянке, которая вскочила на стол и принялась грызть счетную книгу, с которой работал ее хозяин.

Король отогнал зверька.

– Ужасная тварь! Однажды она съела мой гроссбух, придворные очень веселились. Они думают, не монаршее это дело – проверять счета. А меня считают скрягой. Отчасти это, может

⁴ Ашер – придворный служитель, который исполнял роль привратника.

быть, и верно, отец Уолси, но, по моему мнению, благоразумное обращение с деньгами приносит процветание королевству, и я знаю, когда и на что стоит потратиться. – Король улыбнулся с некоторой долей самоуничижения. – А теперь, полагаю, вам хотелось бы пойти устраиваться. Увидимся завтра утром на мессе.

Том поклонился. Выходя из кабинета, он едва не столкнулся с крупным, хорошо одетым юношей, имевшим красивые черты лица, римский нос и длинные рыжие волосы. С ним были двое мужчин постарше, оба в черной одежде.

– Прошу прощения, сэръ, – произнес Том, инстинктивно раскланиваясь, так как от молодого человека исходило ощущение властности и величия, хотя ему едва ли было больше шестнадцати или семнадцати лет.

– Ничего. – Юноша улыбнулся Тому. – Принц Уэльский, к вашим услугам. А вы новый капеллан моего отца?

Том снова отвесил поклон. Он не узнал принца Генриха, бывшего герцога Йоркского, который стал наследником престола после смерти пять лет назад его брата Артура. Тогда принц выглядел здоровяком, но теперь был просто великолепен. Сын, каким мог бы гордиться любой мужчина.

– Да, ваша милость. Я Томас Уолси.

– Желаю вам удачи на новом поприще. Она вам понадобится. Мой отец – сложный человек, с ним и в лучшие времена было нелегко. – Принц закатил глаза.

Один из старших мужчин нахмурился:

– Ваша милость, вы должны поспешить к королю.

– О да, – вздохнул принц. – Он хочет посмотреть мои переводы с латыни. Что ж, пусть попробует отыскать в них ошибки. Сам Аристотель не справился бы лучше! – С этими словами он ввалился в кабинет отца.

Торопливо зашагав прочь, Том услышал, как король сухо проговорил:

– А теперь, мальчик, выйдите и войдите снова как полагается!

* * *

Благодаря новым обязанностям Том оказался в самой гуще событий. Каждый день он видел короля Генриха, сперва когда служил мессу в его личной молельне, иногда и в более позднее время, если его милость желал получить совет по духовно-нравственным вопросам, причем эти встречи учащались по мере того, как Генрих все больше открывал свое сердце Тому на исповедях. Вскоре их беседы стали сосредоточиваться вокруг политики.

– У вас свежие взгляды, Томас, – говорил король, обращаясь к нему по имени, так как они постепенно сблизились.

Том не мог до конца поверить в то, что сидит в кабинете короля и обсуждает с монархом ситуацию в Европе или взимание налогов в Англии, как и в то, что на исповеди имел возможность влиять на образ мыслей своего государя.

Остальное время Том мог бы проводить в праздности, но вместо этого тратил его на то, чтобы свести дружбу с главными членами королевского Совета, особенно с теми, кто пользовался наибольшим расположением монарха, – с доктором Фоксом, епископом Винчестерским, государственным секретарем и лордом – хранителем Малой печати, а также с сэром Томасом Ловеллом, начальником королевской стражи и констеблем Лондонского Тауэра.

Том старательно выспрашивал их мнение по разным вопросам, советовался с ними и даже отваживался приглашать их к себе на обеды, и они с радостью принимали его приглашения. Сидя во главе стола, сервированного серебряной посудой и уставленного самыми изысканными яствами, какие он мог себе позволить, Том чувствовал, что эти высокопоставленные люди явно ценят его общество и получают удовольствие от бесед с ним и его мудрости. Он

многому у них научился, ибо они охотно давали ему ценные уроки в искусстве управления государством и характеристики других советников короля. Со временем они опустили защитные барьеры и стали доверять ему государственные секреты, а порой даже делились с ним своими опасениями по поводу ухудшения здоровья короля. Том слушал их очень внимательно, всячески давая понять, что его умение хранить тайны нерушимо.

– Его милость не протянет долго, – как-то раз тихо проговорил Фокс. – Его кашель ужасен. Боюсь, это чахотка.

В голове Тома немедленно всплыл образ покойного брата Роба, но он решительно отогнал его.

– Не та же болезнь унесла принца Артура? – спросил Том.

– Она, – ответил Ловелл, – но, я надеюсь, король доживет до совершеннолетия принца.

– Лучше бы он не держал мальчика в такой строгости, – заметил Фокс.

– Он его боится. Юный Генрих подвержен влияниям. Вложите в его голову какую-нибудь идею, и ее оттуда уже не выбьешь. А есть люди, которые охотно вольтуют ему в уши бунтарские мысли.

Доктор Фокс вздохнул:

– Король непопулярен, и нет ничего удивительного в том, что кое-кто желает видеть на троне его сына. Многие недовольны принудительными займами или добровольными пожертвованиями, как ему угодно их называть.

– За это мы можем благодарить сэра Ричарда Эмпсона и Эдмунда Дадли. Его милость не слушает других своих советников, когда речь идет о денежных поборах и налогах.

– Поэтому он так богат, – заметил Том, с большим интересом впитывая в себя все эти сведения; знание – сила, его не бывает слишком много. – Теперь я понимаю, почему король держит своего сына под таким строгим надзором.

* * *

Когда Том подошел к дверям, провожая своих гостей, то увидел на площадке лестницы Томаса Ларка. Он хорошо ладил с другими священниками короля, особенно с Ларком, его высокообразованным и уважаемым коллегой, который тоже был родом из восточных графств. Их семьи свели отдаленное знакомство, так как у Ларков имелись деловые интересы по всему региону. Ларк улыбнулся Тому и скрылся в своих покоях.

– Вот здравомыслящий человек, – заметил доктор Фокс. – Его милости повезло с капелланами. А вам, отец Уолси, предназначено более высокое положение.

– Не сомневаюсь, вы очень скоро там окажетесь, – поддержал его Ловелл.

– Если то будет угодно Господу, – ответил Том, весьма обрадованный. – Спокойной ночи, джентльмены.

* * *

Зная, что Том располагает свободным временем, Фокс сделал его своим секретарем. Эту должность Том с легкостью сочетал с обязанностями при короле. Мудрый и образованный, епископ тоже был выпускником колледжа Магдалины и происходил из йоменов, так что у них имелось много общего.

– Нам повезло, – сказал как-то раз Фокс во время короткой прогулки по дворцовому саду; их сутаны трепал теплый в конце весны ветерок. – Король предпочитает новых людей, вроде нас с вами, родовитой знати. Пэрам он не доверяет, запретил им содержать частные армии, как было в прежние времена, когда Ланкастеры воевали с Йорками. Он не хочет допускать

риска, что они восстанут против него или окажут поддержку его врагам, имеющим притязания на трон. Ему пришлось немало натерпеться от разных самозванцев.

Том понимающе кивнул. Пока он был в университете, казалось, существовала постоянная угроза трону со стороны людей, объявлявших себя отпрысками дома Йорков, потерпевшего поражение в битве при Босворте.

– Его милость с готовностью привлекает способных людей любого происхождения, таких как вы, – продолжил епископ, – усердных, предприимчивых и готовых братья за трудные дела. Да, вы оказались при дворе в удачное время, отец Уолси.

* * *

Месяцы шли, и Тому казалось, что он обретает силу. Он старался быть скрупулезным во всем, трудился без устали, чтобы стать незаменимым, и это приносило плоды. В феврале 1508 года король наградил его за исправную и верную службу, назначив деканом⁵ Линкольна.

– Лучше могло быть только назначение епископом, – сказал сэр Томас Ловелл, поздравляя Тома за сытным обедом в покоях доктора Фокса.

– И оно станет следующим, помяните мои слова, – поддержал его хозяин. – Никогда не видел человека, который так быстро обретал бы уважение и власть при короле. Отец Уолси, я порекомендую вас на должность королевского олмонера⁶. Его милости нужен человек на этот пост, и обязанности не слишком обременительны. Вы будете отвечать за подаяния бедным от имени короля.

Не прошло и недели, как Том получил обещанное место. Теперь он был деканом Линкольна и главным королевским подателем милостыни.

Очевидно, король был впечатлен его пониманием политики и дипломатическим потенциалом, потому что в марте отправил Тома в Шотландию. Договор о вечном мире не достиг намеченных целей, что Том считал печальным, и теперь ходили разговоры о намерениях короля Якова возобновить старый союз Шотландии с Францией.

– Напомните ему, что он обручен с Англией, – наставлял Тома король Генрих. – Убедите его оставить поиски альянса с французами. Нам не нужна война на двух фронтах.

– Я сделаю все возможное, сир, – пообещал Том, радуясь, что его выбрали для исполнения этой важнейшей миссии.

Поездка в Эдинбург оказалась долгой и утомительной. Как только Том со своей маленькой свитой проехал Йорк, им пришлось нанять местных проводников, которые сопровождали их по дикой местности, где не властвовали никакие законы. Дороги были ужасные, никто их не чинил, гостиниц мало, располагались они далеко одна от другой и часто были неухоженными, а общаться с людьми, говорившими на непонятном диалекте, было почти невозможно. Том от души радовался, когда они наконец оказались в шотландской столице, но там ему сообщили, что король Яков находится в замке Стёрлинг, и его плечи обреченно поникли.

Когда Тому удалось-таки добраться до короля и поговорить с ним, его поразили обширные познания и разнообразие интересов этого человека. Однако Яков не изменил своего отношения к альянсу с французами.

– Достоин сожаления, сир, то, что два соседствующих королевства не могут жить дружно, – с горечью заметил Том.

– Так было всегда, – смиренно проговорил Яков. – Шотландия вечно страдала от агрессии Англии.

⁵ Декан – старший после епископа священник в католической церкви; настоятель собора.

⁶ Олмонер – податель милостыни.

– Но король Генрих предлагает вам дружбу. Он желает мира. В конце концов, ваша милость – его зять.

– Дружба предлагается на определенных условиях. Он обращается со мной как с младшим. Это неприемлемо. Нет, господин олмонер, я не изменю своего решения, но ценю ваши усилия в попытке принести мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.